

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Т.Л. КЛЯЧКО,
В.А. МАУ*

Будущее университетов Статья 1. Глобальные тренды

В статье обсуждается будущее университетов: те тенденции, на которые все больше обращается внимание, и те, которые еще только проявляются, не попав в поле зрения большинства исследователей высшего образования. Дискуссия о будущем университетов ведется в связи с появлением новых факторов и обстоятельств, играющих существенную роль в развитии высшего образования, особенно в ведущих странах. Среди ключевых вопросов выделяются как собственно факторы развития образования, так и глобальный контекст. К первым относятся быстрый рост издержек университетов и появление массовых онлайн-открытых курсов (МООС) как возможного противовеса удорожанию образования, а также наметившийся переход от массового высшего образования к всеобщему. Ко вторым – ход глобального кризиса и контуры тех новых социально-экономической и технологической реальностей, которые сформируются в результате его разрешения. Ведь на изменение места и роли университетов влияют и новые социальные условия, и смена экономической модели.

Ключевые слова: университет, будущее университетов, высшее образование, рост издержек, массовые онлайн-открытые курсы.

В мировом образовательном сообществе активизировалась дискуссия о будущем университетов. Если лет пять–десять назад обсуждались реформы всей системы образования, при этом акцент нередко делался на школе, большое внимание уделялось качеству образовательных услуг и механизмам его обеспечения, то теперь речь прежде всего идет о судьбах университетов. Дискуссия о школах не прекратилась, но профессиональное образование явно стало одной из ключевых тем в современной дискуссии. Причины этого, по-видимому, отражают ряд системных трансформационных процессов, которые запустил глобальный экономический кризис. С одной стороны, уже в предыдущие два десятилетия развития постиндустриального (или информационного) общества сформировались новые требования к системе образования, существенно отличные от того, что считалось нормой в классическом индустриальном обществе XIX–XX вв. С другой стороны, новые контуры мировой

Клячко Татьяна Львовна – директор Центра экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: tlk@ranepa.ru.

Мау Владимир Александрович – ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: mau@ranepa.ru.

экономики и политики, формирующиеся в настоящее время¹, ставят и новые задачи перед организацией рынка труда и, соответственно, профессионального образования.

Кризис или окно возможностей?

За последние десятилетия мы стали свидетелями бума высшего образования, когда возникали новые высшие учебные заведения и росла конкуренция между старыми и новыми университетами, быстро увеличивались студенческие контингенты. Однако количественный рост не мог не сказаться на качестве. И эта ситуация ставит на повестку дня более сложный вопрос – о принципиальной модели высшего образования будущего. Все реже задаются вопросы, какие университеты будут преимущественно развиваться в исследовательские, предпринимательские или преподавательские. Все чаще речь идет о том, способны ли существующие модели высшей школы к развитию в принципе. Таким образом, кризис образования, начало которого обозначил Ф. Кумбс в середине 1960-х гг., плавно перетек в кризис высшего образования [Кумбс 1970].

В его основе, как считается, лежит, с одной стороны, взрывной рост издержек университетов, а с другой – быстрый выход высшего образования в Интернет, что существенно удешевляет процесс обучения. Одновременно это делает доступным качественное (и, соответственно, очень дорогое образование) практически для каждого, кто сможет в силу имеющихся у него способностей (развитых или неразвитых дошкольным и/или школьным образованием, а также самообразованием) адекватно воспринять поступающую к нему информацию, получить не только желаемые знания, но и навыки (компетенции), необходимые для практической деятельности.

Одновременно происходит размывание границ формального образования, вершиной которого всегда были университеты, идет практически постоянное и плохо регулируемое разрастание сфер неформального и информального образования. На первый план выходит задача сертификации знаний (компетенций), полученных вне системы формального образования. Другими словами, возникает потребность формализации (легитимации) неформального и информального образования.

Это снятие границ (реальное или только прогнозируемое) уже само по себе становится элементом кризиса, переживаемого системой высшего образования. Неформальное и информальное образование, благодаря интернет-технологиям, становятся реальными конкурентами университетам, поскольку могут предоставить образование достаточно высокого качества, но дешевле, чем это делают современные высшие учебные заведения, при этом аудитория, вовлеченная в процесс обучения, будет значительно большей.

Аналогией происходящих перемен в высшем образовании может быть сход лавины – она еще ползет по склону, но скорость все увеличивается, и скоро эта лавина перемен может похоронить под собой красивые здания современных университетов [Доннелли, Ризви, Барбер 2013]. И никто, обсуждая будущее университетов, почему-то не вспоминает о тех колоссальных изменениях, которые за два последних века прошла система образования. Еще в середине XIX в. в ведущих странах мира доля населения, имеющего образование (хоть какое-то!), не превышала 20%. Представляется, что переход к обязательному начальному, а потом и семи- (восьми- или девяти-) летнему школьному образованию, вызвал не меньшее потрясение основ образовательной системы, чем происходящие в настоящее время изменения в высшем образовании. И если говорить о финансовых затратах, то скорее всего, они были сравнительно большими, чем требует новый образовательный переход. А речь идет именно о новом переходе, который в настоящее время выражается кризисом высшего образования.

---

¹ О ключевых характеристиках глобального кризиса и его влиянии на формирование новой экономической и политической модели см. [May 2012].

Факторы турбулентности

Наступающий (а возможно, и уже наступивший) кризис высшего образования все чаще связывают с быстрым ростом расходов и появлением в сети лекций ведущих профессоров ведущих университетов. Первое делает образование менее, а второе – более доступным. Однако ситуация намного глубже и сложнее.

Можно выделить различные экономические, социальные, культурные, демографические и собственно образовательные факторы, которые определяют кризисное (или предкризисное) состояние современных университетов. Однако эти же характеристики можно рассматривать и как факторы модернизационного рывка в образовании. Назовем основные из них:

- повышение технологического динамизма, ведущего к росту технологической и экономической неопределенности в развитии общества. Тем самым существенным образом ограничиваются возможности прогнозирования потребностей рынка труда, что ориентирует университетское образование прежде всего на обеспечение адаптивной карьеры быстро и эффективно реагировать на новые вызовы. Это существенно отличается от образования как овладения профессией (ремеслом);

- из неопределенности вытекает необходимость обеспечения непрерывности образования и усиления в нем возможности для студента или слушателя выбрать (строить) индивидуальную траекторию. Поэтому важнейшим показателем эффективности университета становится не только (а возможно, и не столько) привлечение студентов после средней школы, сколько востребованность его со стороны тех, кто занят активным развитием своей карьеры (*mid-career specialists*);

- широкий спрос на высшее образование, позволяющий говорить о переходе к всеобщему высшему образованию. Происходит рост студенческих континентов и/или доли возрастной когорты, идущей в высшие учебные заведения, увеличение среднего возраста студенчества, особенно в развитых странах. Это фиксируется даже на фоне демографического спада, характерного для ряда развитых стран;

- увеличение удельного веса работников с высшим образованием в общей численности занятых при одновременном снижении отдачи от высшего образования для выпускников университетов. Последнее естественным образом вытекает из первого – повышения удельного веса занятых с высшим образованием в общей численности работающих;

- рост издержек университетов и увеличение расходов общества (прежде всего домохозяйств, но в некоторых случаях и государства) на высшее образование. Образование в развитых странах становится все более дорогим, а это ведет и к удорожанию хорошего образования в развивающихся странах. За этим следует обострение дискуссии в обществе о необходимости повышения доли расходов на образование в бюджете и в ВВП, что входит в противоречие с бюджетным кризисом, характерным в настоящее время для большинства развитых стран;

- одновременно стремительно развиваются технологии образования, позволяющие повысить его гибкость, обеспечить адаптивность и снизить стоимость. Тем самым, напротив, повышается доступность высшего образования. Особое место здесь занимают появление и расширение курсов он-лайн в программах университетов, рост самостоятельной работы студентов в общем балансе времени обучения. Все это позволяет в предельном случае сосредоточить основную массу студентов вокруг ограниченного числа лучших университетов и лучших профессоров. Перспективы этой тенденции еще не проявились в полной мере, однако уже сейчас она заставляет пересматривать некоторые важные принципы традиционной системы профессионального образования;

- интернационализация образования и появление глобальной конкуренции за лучших студентов и лучших профессоров. Это объективно ведет к увеличению доли иностранных студентов в общей численности студентов университетов. Продолжение

этой тенденции приведет к возникновению глобального научно-образовательного языка, на который в настоящее время претендует английский. (Точнее было бы говорить о возврате к ситуации единого языка. Однако если в прошлом наличие универсальной латыни было связано с ограниченностью образования узким слоем населения, то теперь единый язык становится реакцией на мощную демократизацию высшего образования);

– быстрый рост среднего класса, связанный с увеличением численности населения с высшим образованием, становится важнейшим результатом и одновременно ключевой детерминантой образовательных систем;

– потребность в серьезном изменении структуры рабочих мест в связи с изменением образовательного уровня населения (в отличие от требования приведения структуры высшего образования в соответствие с потребностями рынка труда).

Эти особенности достаточно противоречивы и действуют разнонаправленно. Например, удорожание образования вполне сочетается с расширением спроса на него всего общества (всеобщее высшее образование). А последнее, в свою очередь, вполне сочетается со снижением отдачи от получения высшего образования. Перечень противоречий можно было бы продолжить. Но мы хотели бы далее рассмотреть некоторые из перечисленных факторов более подробно.

Демографический фактор, превращающийся в социокультурный

В развитых странах сокращается численность молодежи, поскольку население стареет. Но современная модель университетов сложилась в условиях, когда росло число молодых людей и все большая их часть шла учиться в университеты. В результате демографического спада у университетов возник избыток “мощностей”, поэтому они стали резко наращивать приемы, одновременно снижая требования к абитуриентам. При этом доля возрастной когорты, идущей в вузы, во многих странах превысила две трети. Это можно считать критической точкой, поскольку после нее процесс становится самоподдерживающимся – получение высшего образования превращается в социальную норму.

Если в 30-х гг. XX в. в университеты шло меньше 15% возрастной когорты, в 1970-е–1980-е гг. – 25–30%, то теперь во многих странах – 70–90%. При этом экономические условия в этих странах могут достаточно сильно различаться, как и роль системы высшего образования в решении стоящих перед ними социальных и экономических проблем. Так, в США в университеты поступает 82% возрастной когорты, в Финляндии – 94%, в Южной Корее – 96% и, одновременно, в вузы идет 91% возрастной когорты в Греции – страны с совершенно другими социально-экономическими условиями по сравнению с указанными государствами. Вместе с тем общий тренд состоит в росте доли возрастной когорты, поступающей в университеты (см. табл.).

В Китае за пять лет (с 2008 по 2013 г.) указанная доля выросла с 22% до 26%, а общая численность студентов вузов превысила 30 млн человек. В Индии в университеты пока поступает 15% возрастной когорты (прирост за 5 лет 2%), но это уже составило больше 20 млн человек. Студенческий контингент Китая и Индии, обучающийся в университетах как своих стран, так и за границей, суммарно равняется, таким образом, 50 млн, что превышает численность студентов всех стран Европы вместе взятых, включая и иностранных студентов европейских университетов.

Повышение технологического динамизма

Технологический динамизм не только привел к созданию развитой системы непрерывного образования, сделал образование взрослых постоянной и непреложной потребностью, но и существенно изменил скорость, с которой должны получаться и обновляться знания, причем не только в университетах, но и на всех уровнях образования. Это привело к серьезному напряжению, поскольку образование всегда было

**Доля возрастной когорты, поступающей в вузы
в различных странах (в %)**

Страна	2006 г.	2013 г.
Австралия	73	75
Великобритания	64	59
Греция	74	91
Германия	51	48
Дания	67	80
Израиль	57	62
Испания	62	68
Италия	57	67
Канада	58	62
Литва	73	75
Нидерланды	51	63
Новая Зеландия	77	79
Норвегия	81	76
Россия	69	76
США	83	82
Финляндия	88	94
Франция	56	56
Южная Корея	85	96
Бразилия	21	39
Индия	12	15
Китай	16	26
Мексика	22	26

Источник [Мир в цифрах 2007; Мир в цифрах 2014].

инерционной системой, передавая от поколения к поколению не только знания и навыки, но и ценности. Ускорение в данном сегменте социальной деятельности породило и постоянно порождает впечатление эрозии ценностной основы общества и встречает сопротивление со стороны его консервативной части. Во многом современный кризис – это кризис разных скоростей развития технологической структуры экономики и самого общества. Ни общество, ни образование, в том числе высшее, не успевают за происходящими переменами. В ответ на невозможность двигаться с возрастающей скоростью в обществе поднимается консервативная волна. Особенно остро это выражено в странах, где длительное время изменения были крайне медленными, а потом на них “обрушился” шквал перемен и социальных, и экономических (прежде всего, это постсоциалистические страны).

Индивидуализация образования

Необходимость постоянного переобучения изменяет подход к образованию как к формальной и, что не менее важно, упорядоченной системе. Курсы требуется непрерывно обновлять или менять. Студенты начинают учиться в одних условиях, а заканчивают в других, когда требования к их знаниям и навыкам либо уже изменились, либо меняются, и переучиваться приходится, еще не закончив первоначальное обучение (фактически образование теперь можно на короткий период приостановить, но нельзя закончить). Одновременно в университетах нарастает численность слушателей, которые доучиваются и переучиваются, причем одним нужны короткие программы, а другим более длительные. Выход видится в индивидуализации образовательных траекторий, что порождает серьезные управленческие проблемы в условиях резкого повышения массовости и высшего, и непрерывного образования. По всей видимости, потребуются значительная диверсификация всей системы высшего образования для

того, чтобы справиться с нарастающим разнообразием образовательных потребностей. При этом неизбежно возникнет проблема качества образовательных услуг и возможного размытия старых брендов университетов при неустойчивости брендов новых учебных заведений.

Вместе с тем университеты все больше востребованы как учебные заведения, которые позволяют продвинуть или изменить карьеру работника, имеющего высшее образование, а иногда и два, и даже ученую степень. Это порождает жесткие требования к профессуре, к обучению тех, кто участвует в индивидуализации их образовательных траекторий. Занятия наукой, что часто рассматривается как выход в данной ситуации (учить будет сама научная деятельность, общение в научной среде и т.п.), вряд ли всегда позволяют решать указанную проблему. В современных условиях обучение *знающего* может потребовать формирования преподавательских (профессорских) команд, когда слушатель станет одновременно собеседовать со всеми ее участниками. Таким образом, в будущем (причем достаточно близком) мы можем получить инверсию: если раньше в каждый конкретный момент времени один преподаватель учил группу студентов, то вскоре группа преподавателей может обучать одного слушателя. Другими словами, может сложиться ситуация, когда профессуры станет (физически) больше, чем слушателей, что потребует изменения всей парадигмы и высшего, и непрерывного профессионального образования, не говоря уже о его финансовой составляющей.

В этом сегменте полностью утратят свое значение нормативы, когда на преподавателя должно приходиться столько-то студентов. При этом могут возникнуть, как ни странно это сейчас звучит, совсем другие нормы: на одного слушателя, имеющего высшее образование, должно приходиться не более столько-то профессоров. Естественно, что внутри одного университета будут действовать и первые нормативы, и вторые, порождая сложные организационно-экономические проблемы.

Можно возразить: и в настоящее время обучение студентов требует команды преподавателей: к профессору добавляются его ассистенты, появляются помощник(и) преподавателя. Но это не противоречит сказанному – растет не только объем информации, но и ее разнообразие, что требует (по закону необходимого разнообразия) роста числа тех, кто ее перерабатывают, в том числе в целях обучения. Но при обучении *знающего* речь идет о другом – о резком возрастании требований к передаваемым знаниям, которым далеко не всегда сможет удовлетворять конкретный человек. Преобразование данной ситуации – подготовка аспирантов, когда, помимо обсуждений их работы с научным руководителем, они встраиваются в научные коллективы, где в процессе конкретных исследований и ведется их обучение, при этом роль “учителя” выполняет вся исследовательская группа.

Рост издержек университетов

Один из основных факторов, который рассматривается как главный риск для будущего университетов, – ухудшение финансовых условий их деятельности. Стоимость обучения студентов быстро растет, что не компенсируется увеличением студенческих контингентов или государственного финансирования. В Европе высшее образование еще 15–20 лет назад практически полностью финансировалось государством. В начале XXI в. на обучение одного студента, например, в Университете Париж-4 французский бюджет выделял 16 тыс. долл. (по тогдашнему валютному курсу), и это считалось большими деньгами. С ростом контингентов в два раза расходы, если выделять по-прежнему 16 тыс. долл. на студента, также вырастают в два раза, что уже становится весьма затратным для государственного финансирования и требует смены организационно-экономической модели высшего образования. Поэтому в конце 1990-х гг. *европейские* страны стали существенно изменять политику бюджетного финансирования высшего образования, а *европейские* университеты были поставлены перед необходимостью повысить эффективность расходования получаемых государственных

средств. Одновременно существенное изменение претерпели образовательные технологии, что было связано с появлением и быстрым развитием компьютерной техники и, особенно, Интернета. Оба этих процесса проявились в следующих новых тенденциях и обстоятельствах:

- произошло резкое сокращение числа лекционных часов;
- увеличился объем самостоятельной работы студентов;
- повысилась роль библиотек и электронных средств обучения в учебном процессе;
- начал переход к модульной системе организации образовательных программ, что повышает их гибкость и позволяет быстро приспосабливаться к конкретным потребностям студентов (один и тот же модуль может входить в несколько образовательных программ);

- сокращается время университетского обучения (европейские университеты перешли на двухуровневую систему высшего образования “бакалавриат–магистратура” вместо пятилетнего обучения, что позволило более гибко регулировать студенческие контингенты. С учетом докторантуры (третьего уровня высшего образования) организационная схема стала выстраиваться таким образом, что на каждый следующий уровень высшего образования теперь переходит значительно меньшее число студентов, чем было на предыдущем (упрощенно данная схема стала выглядеть, как 100% студентов обучаются в бакалавриате, затем треть выпускников бакалавриата идут в магистратуру, из которой только треть выпускников поступают в докторантуру, то есть получаем примерное соотношение контингентов по уровням высшего образования 100:33:11). Бакалавриат в большинстве европейских стран был сокращен до трех лет, магистратура варьирует от одного года до двух, докторантура также стала включать в себя промежуточные ступени, которые позволяют получать “неполные” степени, если времени или денежных средств не хватает на прохождение полного докторантского курса (во многих европейских странах докторантура стала полностью или частично платной);

- развитие Болонской системы в Европе также направлено на снижение финансового бремени университетов за счет концентрации ресурсов и развития сетевого взаимодействия. Фактически стали возникать пространственно распределенные университеты, когда к уникальным профессорам студенты могли съезжаться из всех европейских университетов (повышение студенческой мобильности) или профессор мог читать лекции (авторский курс) в нескольких университетах (преподавательская мобильность). Кроме того, началось формирование системы общественной финансовой поддержки университетов за счет развития университетских эндаументов и, одновременно, усилилась дифференциация вузов по наличию указанных фондов целевого капитала, их величине и направлениям расходования средств;

- постепенное введение в Европе платы за высшее образование преимущественно в виде целевых взносов, которые студенты теперь платят на каждом курсе. Так, в Великобритании сразу после начала в 1997 г. реформы Дилинга целевой взнос был установлен в 1 тыс. фунтов (тогда 1650 долл.), который в 2012 г. уже вырос до 9 тыс. фунтов (13 900 долл.) [The future... 2014];

- одновременно сокращается стипендиальная поддержка студентов из малообеспеченных семей, которая переводится в форму льготных студенческих кредитов. В той же Великобритании это привело к парадоксальному результату: резко сократилось число студентов из малообеспеченных семей, проживающих в университетских кампусах, они предпочли не брать кредиты, а жить дома и учиться в ближайших к их месту жительства университетах. В итоге снизилась доступность престижных университетов для этой категории студентов (что негативно отразилось на работе социальных лифтов в данной стране, а также нанесло существенный вред английским традициям, когда молодые люди, обучающиеся в вузе, не живут с родителями), но, что не менее важно, многие университеты потеряли значительные средства за проживание студентов в кампусах (а также за многие сопутствующие этому проживанию услуги), что негативно отразилось на их финансовом положении;

– резко усилилась конкуренция университетов за иностранных студентов, поскольку их обучение в большинстве европейских стран платное. В итоге, например, многие немецкие студенты вынуждены учиться в Австрии, так как в Германии университеты предпочитают брать иностранцев.

В США высшее образование платное, хотя система грантов и стипендий позволяет значительному числу студентов учиться практически бесплатно. Однако, несмотря на развитую систему распределения затрат между участниками образовательного рынка (см. [Jonstone 1998]), расходы значительного числа семей на обучение детей в университетах стремительно растут, как растет в целом и задолженность по образовательным кредитам. В престижных университетах США плата за образование достигла 40–50 тыс. долл. в год, что вкупе с расходами на проживание в кампусах становится весьма тяжелым финансовым бременем для американских домохозяйств. В результате средний класс (особенно после кризиса 2008 г., когда существенно снизилась стоимость жилья вследствие ипотечного кризиса, а под залог жилья брались образовательные кредиты) все более отчуждается от высококачественного образования, которое позволяет претендовать на высокооплачиваемую работу. Это уже привело к тому, что в ведущих университетах США начинают превалировать студенты из высших слоев американского общества, а также из малообеспеченных семей, получающие стипендии и гранты, и иностранные студенты, которым в ряде случаев оказывается помощь международных фондов и даже правительства США. Вместе с тем положение этих университетов во многом облегчается тем, что они получают крупные заказы от американских компаний на исследования и разработки и имеют большие эндаументы (так, эндаумент Гарвардского университета превысил 31,7 млрд долл. (2012 г.); для сравнения: эндаумент Кембриджа составляет 4,3 млрд фунтов (2012)). В целом, как отмечают американские исследователи, студенты ведущих университетов США получают значительно большие (относительно) субсидии на свое образование, чем студенты остальных американских вузов. Тем не менее их собственный финансовый вклад в получение высшего образования весьма велик. Одновременно эти данные говорят о том, что хорошее высшее образование в США становится крайне дорогим и постепенно, как уже отмечалось, все более закрытым для молодежи из низших и средних слоев среднего класса.

Еще одной особенностью американской системы высшего образования стало выкладывание в Интернет (в открытый доступ) лекций ведущих профессоров крупнейших университетов. Хотя многие исследователи считают, что появление он-лайн курсов ведет к снижению роли традиционных университетов [The future... 2014], представляется, что это не совсем так – открытые лекции служат рекламой выставяющих такие курсы вузов. Кроме того, возникновение такого рода программ позволяет американским университетам высшей лиги “пристегнуть” к себе слушателей во многих странах, обеспечивая повышение рейтинга американской системы высшего образования в целом и привлечения в нее иностранных студентов. Несмотря на то, что в последние годы доля США по численности иностранных студентов сократилась до 18% (рассчитано по [Education... 2014]), доля средств, которые американские университеты получают от этих студентов в виде платы за обучение, превышает 33% всех средств, которые иностранные студенты платят в вузах других стран (доля ЕС составляет 29,3%, доля России – 0,7%) (см. рис.).

При этом получение платы за сертификацию знаний, на которую делают ставку многие американские он-лайн университеты, хотя и позволяет им зарабатывать неплохие деньги – погоды для системы высшего образования США не делает. Следует отметить, что появление в середине 1980-х гг. открытых университетов также сначала воспринималось как вызов традиционной системе высшего образования, но потом вписалось в нее в качестве некоторого дополнительного элемента.

В целом, как и было предсказано, в Европе и США идет интенсивное распределение (и одновременно перераспределение) издержек (затрат) на получение высшего образования между государством (бюджетное финансирование, стипендии, заказы государства на научные исследования, льготирование ставки по образовательным кредитам, погашение образовательных и/или студенческих кредитов – кредитов на

сопутствующие нужды при выборе не очень престижных мест работы или работы в отдаленных районах и т.п.), обществом (гранты различных фондов, эндаументы, заказы различных фондов и бизнеса на научные исследования и разработки и др.), домохозяйствами (плата за образование и сопутствующие услуги) и собственно индивидами, получающими высшее образование (возврат образовательных и сопутствующих кредитов после начала трудовой деятельности).

В принципе, эта система распределения затрат должна была быть устойчивой, поскольку предусматривала множество источников финансирования высшего образования, а также распределение расходов во времени. Однако начавшийся в 2008 г. экономический кризис показал ее уязвимость, впрочем, как и уязвимость всех остальных подсистем (институтов) современной экономики и общества. И так же, как и экономика, система высшего образования вошла ныне в эпоху турбулентности. Ощущение возникшей неопределенности в стабильном получении финансовых средств приводит, в частности, к тому, что несмотря на все механизмы защиты от коррупции и неэффективного использования поступающих в университеты финансовых и иных ресурсов (попечительские и наблюдательные советы, советы директоров, независимые аудиторские проверки и требование полной финансовой прозрачности), идет концентрация финансовых средств на определенных этапах управленческой иерархии университетов, поскольку повсеместно появилось ощущение временности процветания (см., например, [Дим 2004]).

Еще одним проявлением психологии временщиков становится быстрый рост заработной платы профессоры в ущерб развитию материальной базы университетов и их инфраструктуры. Это не столько отражение важности накопления человеческого капитала (высококвалифицированных преподавателей) в высшем образовании, сколько выражение неуверенности в будущем. Другими словами, нарастание неопределенности ведет к заметному ухудшению качества управленческих решений (или выявляет нехватку профессионализма у университетских управленцев²), в результате чего система сама лишает себя заделов в среднесрочной, не говоря уже о долгосрочной перспективе.

Трансформация рынка труда

При рассмотрении будущего университетов нередко связь происходящих перемен с состоянием рынка труда не рассматривается. Между тем эти явления взаимосвязаны. Прежде всего в последние годы в большинстве развитых стран наблюдается быстрый рост доли населения с высшим образованием: в США 42%³, Канаде 51%, Израиле 46%, Японии 45%, Великобритании 38%, Финляндии 37% (<http://www.rate1.com.ua/obshchestvo/obrazovanie/2342/>). В Китае доля занятого населения с высшим образованием приближается к 33%, Индия сможет увеличить долю рабочих с высшим об-

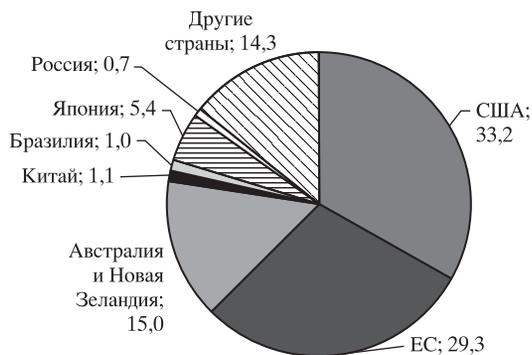

Рис. Доля мирового рынка образования по доходам от иностранных студентов (в %).

² Здесь в принципе проявляется стремление к пролонгации предшествующих тенденций: если длительное время все было стабильно и шел рост, в том числе объемов поступающих в университеты ресурсов, то можно было не очень наращивать управленческие компетенции. Смена тренда выявляет возникший дефицит профессионализма, усугубляющий негативную тенденцию. Это в свою очередь порождает негативные ожидания (теперь уже пролонгация негативных тенденций) и еще большую неэффективность в использовании ресурсов, включая рост коррупции и элементарного воровства.

³ В США доля занятых в экономике с высшим и неполным высшим образованием составляет 54%.

разованием до 88 млн человек в ближайшие два десятилетия⁴. В результате начинает падать отдача от высшего образования. На фоне роста издержек для домохозяйств это может стать сдерживающим фактором дальнейшей увеличения доли возрастной когорты, идущей в вузы, ее удержания на уровне 50–70% (вместо 75–90% в настоящее время в США и ряде развитых стран – см. табл.).

Вместе с тем образование играет еще одну роль по отношению к рынку труда – это демпфирование массовой, прежде всего молодежной, безработицы, когда система в первую очередь формального образования должна вовлекать как можно большую часть молодежи (формирование социальных сейфов). Здесь во многом возникает конкуренция между системой общего и высшего образования для тех стран, где высшее образование становится практически всеобщим. Школьное образование во всех странах все более продолжительно. Это пытаются объяснить ростом объема информации (знаний), который должен усвоить сегодняшний школьник. Но если рассматривать компетентностный подход, который в настоящее время становится ведущей педагогической технологией, то на первый план выходит умение учиться, искать информацию, а не механическое накопление знаний. Более адекватной представляется концепция, что удлинение сроков школьного образования связано с необходимостью накопления социальных компетенций, которая обусловлена переходом к сервисной экономике, с одной стороны, и к инновационной экономике – с другой.

Развитие сервисной экономики требует освоения коммуникативных навыков, поскольку ведет к росту межличностного общения (в России этим во многом объясняют важность получения даже не очень хорошего высшего образования), индивидуализации широкого спектра услуг (в том числе, в образовании, здравоохранении, социальном обслуживании и др.). Развитие инновационной экономики, сложных технико-технологических систем, повышение риска техногенных катастроф, использование уникального, дорогостоящего оборудования требуют социально зрелого, ответственного работника. В связи с этим растет возраст первого выхода работника на рынок труда.

Соответственно, длительность пребывания молодых людей в школе большинства развитых стран увеличивается с 12 до 13 и даже 14 лет. Если после окончания школы практически все выпускники школ поступают в университеты, то может возникнуть выбор: где наращивать сроки обучения – в школе или университете? Пока еще этот выбор делается в пользу школ, но этому есть предел: общее представление состоит в том, что в школе учатся дети и подростки (тинейджеры), соответственно, с 20 лет предпочтительнее и учить, и “хранить” молодежь в высшей школе, хотя бы так обозначая выход молодых людей из детства. В этом отношении упомянутая выше тенденция, когда студенты продолжают жить дома, а не в университетском кампусе, приводит к обратной ситуации более позднего взросления вследствие отложенного начала (хотя бы номинального) самостоятельной жизни.

Можно предположить, что предельная длительность пребывания молодежи в школе составляет 14–15 лет, после чего выбор начнет делаться в пользу университетов. В этой связи все последние годы шла борьба за сокращение сроков пребывания в высшей школе – как уже было отмечено, введение бакалавриата и магистратуры во Франции и Германии вместо пятилетнего обучения позволило хотя бы частично сократить численность студентов университетов, так как на вторую ступень переходит лишь часть (обычно не более трети из тех, кто закончили бакалавриат). Однако в недалеком будущем мы сможем наблюдать обратную тенденцию. В США она уже в полной мере проявляет себя – средний возраст американских студентов превысил 26 лет. Одновременно происходит увеличение доли выпускников магистратуры, идущих в докторантуру, однако на третьем уровне высшего образования средний возраст обучающихся уже приближается к 31 году. Таким образом, если финансовые показатели работают на ограничение роста студенческих контингентов, то потребности рынка труда, задача

---

⁴ Исследование консалтинговой компании McKinsey “Мир на работе: рабочие места, зарплата и навыки для 3,5 млрд человек” (см. <http://www.kommersant.ru/pda/ogoniok.html?id=1977181>).

сокращения молодежной безработицы, напротив, работают на удлинение сроков обучения в университете и увеличения доли возрастной когорты, идущей в вузы.

Но удлинение сроков обучения, выход на рынок труда социально зрелого работника, имеющего высшее образование, меняют требования к структуре и качеству рабочих мест. И страна, которая не сможет подстроить свою экономику и социальную сферу под новый тип работника, будет этих работников терять. При этом “утечка умов” в новых условиях может привести и к деградации в этой стране университетов, поскольку профессура, выучившая работников для другой экономики, вполне в состоянии последовать за своими учениками.

Социальный статус

Если еще 15–20 лет назад получение высшего образования практически автоматически вело к повышению социального статуса его обладателя, то в последние годы ситуация стала меняться. Как только высшее образование перестает быть относительной редкостью, оно перестает и сильно повышать статус того, кто потратил долгие годы на его получение. Это не означает, что на рынке труда произойдет резкое обесценение высшего образования⁵. Можно предположить, что в развитых странах в среднесрочной перспективе высшее образование (или, по крайней мере, его низший уровень – бакалавриат) перейдет в разряд обязательного образования, как в свое время это произошло с полным средним образованием, а маркером повышенного уровня и более высоких уровней заработной платы станет получение магистерской степени, а затем и докторской (PhD)⁶.

Вместе с тем в какой-то момент придется пересматривать всю систему уровней образования: сейчас трудно предсказать тот уровень образования и тот социальный статус, который “потеснит” докторскую степень. Но уже сейчас можно предполагать, что широкое распространение второй докторской степени – вопрос времени, она на деле сохраняется в Германии и Франции (хабиilitированный доктор наук), “пробивается” в Великобритании. Представляется, что и в других странах Европы, а также в США и Канаде это также в достаточно скором времени станет актуальным⁷.

Как превращение высшего образования практически в обязательный атрибут рабочей силы скажется на положениях (самом определении) среднего класса, в настоящее время сказать трудно. Понятно только, что средний класс, который увеличится до 80–85% всего населения развитых стран, – принципиально другой средний класс по сравнению с нынешним. А это означает, что по мере увеличения доли населения с высшим образованием социальная структура общества должна будет существенно поменяться.

Интернационализация образования и появление глобальной конкуренции за лучших студентов и лучших профессоров

Высшее образование стало по сути дела первым уровнем образования, который начал реально отражать глобальные процессы, идущие в мировой экономике. Болонский процесс и формирование единого европейского пространства высшего образования стали следствием развития единого европейского рынка труда. Соответственно,

---

⁵ Правда, в СССР такое в последние годы его существования и наблюдалось, сколько бы теперь ни говорили о высоком качестве высшего образования в советское время: инженер или научный работник могли получать значительно меньше “простого” рабочего, и это никак не было связано с идеологическими догмами, а определялось структурой рабочих мест и перепроизводством относительно этой структуры работников с высшим образованием (см. [Комплексная... 1981]).

⁶ Представляется, что бум защит диссертаций чиновников и предпринимателей в России стал отражением именно этой тенденции. Из-за массовости высшего образования обладание им перестало быть показателем квалификации или социального статуса.

⁷ В США и Канаде большее значение, чем в Европе, имеет университетское звание профессора, особенно полного профессора, который уже не переизбирается, а сохраняет свое место до выхода на пенсию (*tenure*).

в любой точке Евросоюза работодатель, нанимая выпускника университета на работу, должен понимать, какого специалиста он приобретает. Одновременно студент из любой страны ЕС, поступая учиться, рассчитывает, что по окончании университета он сможет найти работу не только в своей стране, но и в других государствах ЕС.

В принципе это ведет к унификации программ, методов оценивания достижений обучающихся и качества образования. В то же время нарастает конкуренция не только самих университетов за студентов и слушателей, за которыми в той или иной форме “следуют деньги”, но и за преподавателей, поскольку уже само имя профессора может привлечь тех, кто захотят у него учиться. При этом нарастает конкуренция и между странами, и даже континентами: США и Канада конкурируют с ЕС и за студентов, и за профессоров: за студентами, как уже отмечалось, идут деньги, за профессорами – надежды на получение научных грантов, увеличение эндаументов, а также повышение места университета в мировых рейтингах. В настоящее время к этому соперничеству активно подключаются Япония и Китай, включая Гонконг, Тайвань, Индия, Сингапур, или шире – Азия, а Австралия и Новая Зеландия уже давно держат примерно 10% потоков иностранных студентов. В Латинской Америке также складывается достаточно мощный сектор высшего образования, в который входят Чили, Бразилия, Мексика и Аргентина. На Ближнем Востоке и в Африке можно говорить об университетах Израиля, Египта, ЮАР.

Глобальный характер образования, как и науки, требует единства языка, но пока эта роль распределяется между (ожидаемо) английским и испанским (Испания, Португалия, Латинская Америка). Вместе с тем экспансия английского языка в испанский ареал уже вполне заметна.

Изменения в технологиях высшего образования

Как уже было отмечено, развитие он-лайн образования становится важным маркером изменений в деятельности университетов. Рост издержек традиционной передачи знаний и развитие значительно более дешевых средств обучения, которые одновременно могут обеспечить доступ к высшему образованию практически всех желающих, рассматриваются в качестве основных могильщиков значительной части существующих в настоящее время университетов. Так, журнал “Economist” прогнозирует, что в недалеком будущем (на протяжении 15–20 лет) закроется до половины американских университетов [The future... 2014]. Представляется, что этому прогнозу не суждено сбыться. Другое дело, что это будут, конечно же, другие университеты, роль которых в системе образования существенно изменится: они станут площадками социализации и социального общения, поскольку доля самостоятельной работы в обучении также имеет пределы, а слово “сознание” расшифровывается как “совместное знание”, что предполагает совместное действие по получению этого знания.

Можно, конечно, предположить, что все студенты будут сидеть у себя дома (в разных странах на разных континентах) за компьютерами и вести дискуссии в виртуальных аудиториях (голографические видеоконференции). Это позволит университетам избавиться от кампусов и значительной части инфраструктуры, что значительно облегчит их финансовое бремя. Но думается, все не так просто. Уже были попытки посадить работников по домам и контролировать их работу посредством компьютеров. Но потом пришлось их собирать в офисах, иначе нельзя было выстроить корпоративную культуру, да и производительность труда таких работников через некоторое время начинала падать. Оказалось, что работникам необходимо ощущение совместного действия, межличностное общение, включая чаепития и праздники.

Как подчеркивают многие критики он-лайн обучения, “университетское образование создает социальный капитал. Студенты обучаются дискутировать, презентовать себя, заводить и образовывать контакты. Как виртуальные колледжи обеспечат все это?” [The future... 2014]. Некоторый ответ на данный вопрос состоит в том, что для удешевления обучения он-лайн курсы могут использоваться на начальных этапах (первый год обучения) получения высшего образования (вводные лекции и занятия),

затем два года студенты обучаются очно в университетских аудиториях, а затем учатся опять он-лайн и работают. К сожалению, этот подход не учитывает необходимости удержания молодежи в университетах все более длительное время, чтобы снизить давление на рынок труда.

Векторы перемен

Ощущение кризисности в развитии университетов во многом связано с ростом неопределенности внешней среды, которая их окружает. Рост издержек университетов происходит одновременно с сокращением государственного финансирования, а расширение платности сдерживается ограничением образовательного кредитования. В результате вводятся новые технологии обучения, существенно снижающие затраты, но одновременно позволяющие создавать структуры, которые становятся конкурентами традиционных университетов.

Необходимость оптимизировать затраты толкает университеты к сокращению сроков обучения, а потребности рынка труда требуют, напротив, их увеличения. Того же требует повышение пенсионного возраста для работающих, в то время как молодежь теряет в доходах и все больше вынуждена жить за счет старшего поколения, а выходя позже на рынок труда, заводит семью, которая становится все более малодетной, вплоть до отказа многих пар заводить детей. Получаем порочный круг социальной политики, в который невольно втягиваются университеты.

Лучшие профессора размещают свои лекции в Интернете, что позволяет повышать качество образования и снижать затраты, но в то же время ставят под удар всю профессорскую корпорацию, поскольку те, кто не вышли он-лайн, теряют аудиторию.

Переход к фактически всеобщему высшему образованию приводит к потере сигнальной функции, как ранее эту функцию утратило среднее образование: его наличие уже ничего не говорит работодателю (скорее, говорит об отсутствии такового). Соответственно, возникает потребность наращивать уровни высшего образования, восстанавливать фильтры, а это ведет к его удорожанию.

Таким образом, в новых условиях нельзя рассматривать изолированно развитие собственно образования, организационно-экономических форм его “доведения” до потребителя образовательных услуг, а также состояние и тенденции развития рынка труда. Вне социально-экономического контекста тенденции в самом университетском образовании могут быть неверно оценены и стать основанием неэффективной образовательной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дим Р. (2004) “Новый менеджериализм” и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. № 3. С. 44–56.
- Доннелли К., Ризви С., Барбер М. (2013) Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. № 3. С. 152–229.
- Комплексная программа НТП СССР до 2005 года. Том “Социальные проблемы, повышение народного благосостояния и развитие культуры в СССР” (1981) М.: ВНИИСИ.
- Кумбс Ф. (1970) Кризис образования в современном мире. М.: Прогресс.
- Мау В. (2012) Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. № 7. С. 114–132.
- Мир в цифрах (2007). М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”.
- Мир в цифрах (2014). М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”.
- Education at a Glance (2014) OECD.
- The future of universities. The digital degree. The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. The Economist, June 28th 2014 (<http://www.economist.com/news/briefing/21605899-staid-higher-education-business-about-experience-welcome-earthquake-digital>).
- Jonstone B. (1998) The Financing and Management of Higher Education: a Status Report on Worldwide Reforms / Bruce Jonstone, Alka Arora, William Expertone // State University of New York at Buffalo.

The future of universities

Article 1. Global trends

T. KLYACHKO*,
V. MAU**

***Klyachko Tatiana** – director, Center for Continuous Education Economy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82, bld. 1, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: tlk@ranepa.ru.

****Mau Vladimir** – rector, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82, bld. 1, prosp. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: mau@ranepa.ru.

Abstract

The paper discusses future of universities, specifically, the trends that are taken account of more actively and those that are only occurring and still out of sight of the majority of researchers into higher education. The future of universities is discussed in connection with new factors and circumstances that play a significant role in developing higher education, especially in leading countries. Among key issues are factors of education development per se and the global context. The first ones are high growth in universities' cost escalation and new mass open online courses (MOOC) as a possible counterbalance for prices rising in education as well as a transfer from mass higher education to universal one that has begun to show. The second ones are advancement in global crisis and outlines of new socio-economic and technological elements of reality that will form in the result of its resolution, because new social conditions and changing economic model also play an important part in changing the place and the role of universities.

Keywords: university, future universities, higher education, cost escalation, a wide range of open online courses.

REFERENCES

Dim R. (2004). “Novyy menedzherializm” i vyssheye obrazovaniye: upravleniye kachestvom i produktivnost'yu raboty v universitetakh Velikobritanii [“New mardzhenalizm” and higher education: quality management and productivity of universities in the UK]. *Voprosi obrazovaniya*, no. 3, pp. 44–56.

Donnelli K., Rizvi S., Barber M. (2013) Nakanune skhoda laviny. Vyssheye obrazovaniye i ryadushchaya revolyutsiya [On the eve of an avalanche. Higher education and the coming revolution]. *Voprosi obrazovaniya*, no. 3, pp. 152–229.

Education at a Glance (2014) OECD.

The future of universities. The digital degree The staid higher-education business is about to experience a welcome earthquake. *The Economist*, June 28th 2014 (<http://www.economist.com/news/briefing/21605899-staid-higher-education-business-about-experience-welcome-earthquake-digital>).

Jonstone B. (1998) The Financing and Management of Higher Education: a Status Report on Worldwide Reforms. Bruce Jonstone, Alka Arora, William Expertone. State University of New York at Buffalo.

Kompleksnaya programma NTP SSSR do 2005 goda. Tom “Sotsial’nyye problemy, povysheniye narodnogo blagosostoyaniya i razvitiye kul’tury v SSSR” (1981) [A comprehensive program of STP USSR until 2005, Volume “Social Problems, improving the people’s welfare and development of culture in the USSR”]. Moscow: VNIISI.

Kumbs F. (1970) *Krizis obrazovaniya v sovremennom mire* [Crisis of education in the modern world]. Moscow: Progress.

Mau V. (2012) Chelovecheskiy kapital: vyzovy dlya Rossii [Human Capital: Challenges for Russia]. *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 114–132.

Mir v tsifrah [The world in figures] (2007). Moscow: ZAO “Olimp-Biznes”.

Mir v tsifrah [The world in figures] (2014). Moscow: ZAO “Olimp-Biznes”.